

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

ТОВАР ИЗ ЗОНЫ
ОТЧУЖДЕНИЯ

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Товар из зоны отчуждения

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Товар из зоны отчуждения / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2015 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

Украинские неонацисты ради шальных денег намерены распродать радиоактивный графит из могильников Чернобыльской атомной электростанции. О намечающейся ядерной сделке между правосеками и представителями Исламского государства становится известно российской разведке. Группа снайперов направляется в Чернобыльскую зону, чтобы не допустить утечки этого крайне опасного радиоактивного компонента для «грязной» ядерной бомбы. Туда же и с тем же заданием отправляется агент английских спецслужб Карл Керр...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афанасьев А. Н., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Ростовская область, близ Зернограда. Военный аэродром. 20 апреля 2021 года	6
Располага, Ростовская область, несколько десятков километров от ДМЗ. 20 апреля 2021 года	13
Ростовская область, база спецназа. 22 апреля 2021 года	19
Демилитаризованная зона. Воздушное пространство. 25 апреля 2021 года	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Афанасьев

Товар из зоны отчуждения

*А в чистом поле – система «Град».
Пред нами – Киев,
За нами – Сталинград...*

Русское народное творчество

Все события и персонажи в этой книге вымышлены от начала и до конца. Возможные совпадения случайны.

Данная книга не преследует цели разжигания ненависти между украинцами и русскими. Я просто хочу показать, к чему может привести эта война. Но в то же время каждый в такое время должен занимать какую-то позицию, опираясь на свои нравственные ценности. АТО – это либо карательная операция, либо защита территориальной целостности страны. Те, кто накрывает «Градами» Донецк, – это или герои, или убийцы. В такие времена надо делать нравственный выбор.

И я его сделал.

Ростовская область, близ Зернограда. Военный аэродром. 20 апреля 2021 года

– Так, задницы оторвали, и на выход! Живо, живо! Поживее, еще разгрузаться надо! А то паллеты на горбу тягать заставлю...

Ну, заставить он, конечно, не заставит – прошли те времена. Весь груз запаллен, к стоянке уже подогнали грузовики и погрузчики, норматив на разгрузку полностью загруженного семьдесят шестого – двадцать минут, и это по мирному времени. В военное – пятнадцать.

Но из самолета все равно надо выметаться.

Вместе со мной в самолете летели какие-то подозрительные морпехи, целая группа. Двадцать человек. Говорю – подозрительные, потому что вроде по разговорам пехи, а форма не черная, не пеховская – какой-то странный камок, похожий на А-Тас, американский – одинаковый у всех. Скорее всего, это и есть спутники. Спецназ морской пехоты¹. Прибыли сюда на практику...

С пехами отношения всегда были напряженные, что у десанта, что у серой махры², и потому в одном городе никогда не размещали пехотную и морпеховские учебки – разгромят весь город. На меня поглядывали с интересом, причем интересом конкретным и недобрый – видимо, не могли точно определить, кто я такой. Но нашим бортом с отпусков летели несколько офицеров, в том числе полковник, а за драку в самолете можно было огрести по полной, тут и до разрыва контракта недалеко. Так что не решились. И правильно. Потому что с собой у меня нож из очень твердого пластика, я его ношу везде – на всякий случай. И если в шею или в печень я бить не буду – свои все же, – то в бедро запросто могу засадить. Раны от этого ножа скверные и заживают плохо...

Нас никто не встречает – трудно было бы предполагать иное. Офицер построил этих подозрительных пехов, с кем-то переговорил по телефону, и они строем двинулись куда-то на другой конец аэродрома – видать, метла³ за ними прибыла. А мне, скорее всего, попутку придется искать...

Ладно, все норм. Раз-два левой. Раз-два левой...

База была реновированной, еще во времена Советского Союза она принадлежала авиации ПВО, потом ее забросили. Сейчас восстановили, потому что в нескольких десятках километров на запад Украина.

Фашистская Украина...

До сих пор не верится, что есть фашизм. Вот прямо фашизм, настоящий, дистиллированный фашизм. Такой же, как в сорок первом, такой же, как тот, что пошел на нас войной. Не верится в то, что люди могут серьезно думать, что одна нация изначально выше другой. Что «рабив до раю не пускают»⁴. Но они так думают. Мы для них – рабы. А они получают – рабовладельцы. Господа. Точнее – господари, как они говорят. Здесь господарь украинец... Еще один лозунг, имеющий хождение на той стороне...

¹ «Спутник» – ранее так назывался центр подготовки морской пехоты Северного флота. Затем спутниками стали называть всех спецназовцев морской пехоты.

² Пехота, мотострелки.

³ На сленге – транспортный вертолет.

⁴ Один из лозунгов теперешней Украины, настолько популярный, что его печатают на футболках, и футболки носят люди, которые не считают себя фашистами и это – фашизмом. Хотя представление нации или этнической группы как «рабов» если и не фашизм, то огромный шаг навстречу ему.

Я не застал в живых своего деда – он погиб. В Афганистане. Погибший или побывавший на войне дед – снова норма для нашего поколения. Эта война, ставшая по большей части легендой, как легендой стала Великая Отечественная, до сих пор живет в нашей семье в виде портрета деда с черной, траурной каймой. Портрет не парадный – полевой, дед стоит в странного вида военной форме и шляпе у борта транспортного вертолета, с оружием. Фотографироваться перед вылетом – очень плохая примета, но он ее в этот раз нарушил. Как чувствовал, что не вернется из этой миссии живым...

Отец тоже воевал – на Кавказе. Сейчас он уже генерал-майор. В учебке из-за этого меня опасались преподаватели, а от сверстников здорово доставалось. Но я благодарен им – потому что благодаря этому я выучил одно правило: при напролом и будь готов ко всему. Тогда отстанут. Когда пришла пора разбираться с гоп-компанией местных дедов, я пронес в казарму подходящий обломок кирпича. Засунул его в карман – и получил приличное ударное оружие типа кистеня. Три сотрясения мозга, считая мое, пара переломов и несколько ранений осколками стекла – с тех пор больше ко мне никто не докапывался. От дисбата меня спас авторитет отца, а в госпитале я даже подружился с теми, кто решил «воспитать» генеральского сыночка. Как мне объяснили – мы ж не знали, что ты «ломом подпоясанный»...

Узнали. Мне всегда интересно было – неужели для того, чтобы понять, что не надо лезть к человеку, надо получить от него сотрясение мозга?

Видимо, воспитание в генеральской семье все же накладывает некий... отпечаток интеллигентности... в военном ее понимании.

Идти через здание базы мне почему-то расхотелось... Не знаю почему. Возможно, я привык ходить через забор – на крайнем курсе полковник Золотарев вообще запретил нам ходить через двери училища, говоря, что спецназовец должен и через стену пройти, если к тому будет необходимость. Так что как мы только не проникали в свою альма-матер, это надо было видеть. Аэродром охранял спецбат – специальные батальоны охраны, тренированные по нормативам спецназа – ввели после того, как неизвестные напали на аэродром в Миллерове и подорвали технику и склады с горючим. Не знаю... может, просто понтануться захотелось, а может, еще почему, но я вычислил слабое место в ограждении аэродрома – и вышел через него...

Недалеко была дорога. Я выбрался на нее и стал ловить машину...

База спецназа, на которую я должен был прибыть, была секретной. Она располагалась недалеко отсюда на территории закрытой шахтной выработки. Почему так, я понял потом: такое расположение позволяет постоянно проводить тренировки, как будто ты находишься в демилитаризованной зоне⁵...

Меня подвезла направляющаяся после войны в Крым семья⁶ – солдаты были популярны, так что мне в дорогу дали баночку домашнего варенья. Клубничного. Что с ним делать – я не знал, но положил в рюкзак. С чаем съедим...

⁵ Демилитаризованная зона – это зловещее название, напоминающее о временах Вьетнама, появилось после прямого столкновения сил Российской Федерации и НАТО на территории Украины. Представляло собой полосу шириной в семьдесят километров в обе стороны от линии разграничения, в которой полностью запрещалось нахождение любой гусеничной боевой техники, артиллерии, колесной техники, вооруженной оружием калибра крупнее 14,5. Любая из сторон, обнаружив запрещенную технику, могла открывать огонь на поражение, но в большинстве случаев все ограничилось обращением к МКК – многосторонней контрольной комиссии в Днепропетровске или Ростове-на-Дону. Несмотря на то что прошло много времени, стычки военных, полицейских, милитаризованных законных и незаконных вооруженных формирований и банд в ДМЗ не прекращались все это время.

⁶ В 2017 году произошло прямое столкновение сил НАТО и Российской Федерации на территории Украины. Эта война, известная как «двадцатидневная война», закончилась патовой ситуацией, при которой ни одна из сторон не достигла решающего преимущества над другой. Тем не менее Россия считала, что победила она, так как потери НАТО (если считать вместе с украинскими силами) были значительно серьезнее, и в живой силе, и технике. Постоянно проходила информация, что НАТО скрыло истинный размер своих потерь, притом что по итогам этой войны в Польше был объявлен однодневный, а в Литве и Грузии – недельный траур. Война эта проблему не решила и не принесла ничего, кроме ненависти с обеих сторон.

На входе меня выцепили, тут же подошли. Грамотно – трое, и еще пулемет на прикрытии. Один держится в стороне, стараясь, чтобы остальные не перекрывали ему линию огня. В пулеметном гнезде помимо пулемета еще торчит толстый ствол снайперки. Взломщик, к гадалке не ходи. БТР только так останавливает...

- Кто такой?
- Старший лейтенант Брусникин к командиру отряда⁷.
- Предписание есть?
- А как же...
- Руки!
- Ого. Серьезно.
- Свой я.
- Свой не свой, разберемся. Оружие есть?
- Пока нет.
- Давай, двигай. Руки на виду держи...

В караулке, под постоянным присмотром выделенного бойца, я просидел минут двадцать – потом за мной подъехали. Старлей на китайском, вымазанном камуфляжем пикапе. Проверил документы, позвонил куда-то по телефону...

- Майно свое бросай в кузов, и поехали...

Я долго уговаривать себя не заставил.

- Алексей.
- Александр.
- К нам?
- Как командиру понравлюсь.
- А сам – откуда?
- Рязань.
- Нормально...
- Еще Красногорск⁸.
- Снайпер?
- Есть такое дело...
- Это хорошо...

Отвечать на это было нечего. Наш пикап маневрировал у терриконов, то тут то там попадались быстровозводимые строения, ангары, техника...

- Сам откуда?
- Казань.
- А я с Крыма...
- Ясно, – я пояснил, – про майну. Это вещи по-украински?
- Да. Знаешь мову?
- Нет.
- Придется учить. У нас все либо знают, либо учат...

Ну, здорово. Так то – по нормативам спецназа – каждый боец должен знать два иностранных языка, иначе он мало чем отличается от десантника. Раньше учили английский и немецкий, как языки потенциальных противников. Теперь учат английский и арабский. А вот теперь еще и мову придется учить...

- А что, на русском не говорят?

⁷ В отличие от обычных воинских частей штатная численность отрядов спецназа не регламентировалась, отряд мог состоять и из пятидесяти, и из четырехсот человек в зависимости от задач.

⁸ В Красногорске действовал единый для вооруженных сил Специальный центр подготовки снайперов. «Специальность» заключалась в том, что там готовили на калибры от 338 и выше. На обычные снайперки готовили зональные центры.

– На Украине – нет. За русский язык – минимум сто часов обязательных работ. Это если в нормальном городе. А могут и на подвал посадить. В ДМЗ могут убить на месте, там с ходу убивают, не разбираясь...

На подвал – еще одно зловещее слово из новояза, появившееся только после начала украинского кризиса. На подвале – держат рабов, военнопленных, заложников на обмен и продажу. На подвале их пытаются, убивают, насилюют, издеваются, снимают ролики для YouTube. На подвал может попасть и украинец – за долги, например. Украина – это мини-апокалипсис, конец света в одном отдельно взятом регионе. Эта война исторгла из недр украинского общества орды фашистов, подонков, садистов, готовых на самые отвратительные и вопиющие зверства. Она поставила перед нами, русскими, вопрос – а что такое Украина? Знали ли мы ее по-настоящему когда-нибудь? Что мы знаем про украинское общество. Что за страна лежит рядом с нами?

Факт остается фактом – ДМЗ сейчас пугают так же, как раньше пугали Кавказом...

– Ясно.

– Да ты не переживай. В Ростове полно дивчин из эвакуированных, они тебя быстро всему научат.

– Ясно. А как у вас с автомобилем?

– Да нормально. Из Зоны несколько тачек пригнали, до соседнего села, до частного сектора пехом, а потом – с ветерком. Тачки общие. Только на бензин и ремонт там надо скидываться...

– Да без вопросов. А что за тачки?

– Нормальные. «Порш Кайенн» в основном...

Алексей усмехнулся:

– Кстати, один экзамен ты уже сдал.

– ???

– Там, на аэродроме, тебя ждала военная полиция. На тебя была ориентировка.

– Нафига?!

– Понимаешь, мы работаем на грани. Надо быть готовым ко всему, и случайных людей у нас нет. Болтунам здесь не место. Если ты ничего не сказал – то сдал. Но если ты сумел их обойти – тоже сдал. Правило первое – не попадайся. Правило второе попался – молчи.

– Весело тут.

– Еще бы...

Отряд расположился на территории бывшего шахтного управления. Часть шахтных выработок стала тирами и складами. Склады на поверхности – для хранения техники. В здании бывшего шахтного управления сидел небольшой штаб и пункт боевого управления, включавший в себя, судя по антеннам, и обмен по спутникам.

Командиром отряда был полковник Лисов. Я про него слышал еще по Кавказу – тогда вроде как в одном селе старики сказали – вот, у нас тут борцы живут, а у вас слабаки, наши ваших только так заламают. На ринг, представлявший собой утоптанное место перед годеканом⁹, с нашей стороны вышел Лисов, профессиональный самбист, с их стороны – здоровенный бугай, как потом оказалось, бывший чемпион России по боксу в своем весе. По итогам оба бойца попали на больничку, но с тех пор русских стали уважать по всему району...

– Ну, кто ты есть, мил человек? – Помещение, казалось, уменьшилось от густого, заполняющего собой все пространство голоса.

– Старший лейтенант Брусникин, представляюсь по случаю...

Подполковник махнул рукой.

⁹ Годекан – большое бревно, на котором сидят старейшины. Там вершат суд, там награждают – в общем, это центр жизни кавказского села.

– Рязань? Новосибирск?

– Рязань. – Я не удержался и добавил: – Еще Красногорск.

– Снайпер? На чем работаешь?

– На всем. Триста тридцать восьмой, девять миллиметров, двенадцать и семь, четырнадцать и пять¹⁰.

– Четырнадцать и пять тоже можешь?

– Так точно.

– Книжку давай...

Подполковник полистал книжку.

– Пойдешь к Барсуку. У него снайпера нормального нет, одни маргиналы. Побегать придется...

– Барсук – это не имя, а позывной. У меня Батя, у него Барсук. Тебе позывной дадут, а пока не дали – ты Маленький. В боевых условиях – Малой.

– Так точно.

– Не так точничай. Понял, и все. У нас свои правила. Честь не отдают. Представляться не представляются, как положено. Правила ношения формы не соблюдаются, в чем нужно, в том и ходим. Знаки различия – только на построениях, и то если присутствует кто-то из командования. Понял?

– Понял.

– Теперь по залетам...

О, залеты. Это моя любимая тема – залетали мы обычно, когда опаздывали на утреннее построение. Дела в городе у нас были, понимаете. Офицеры учебного центра с пониманием относились и к дракам с гражданскими, и к самоволкам – потому что и то и другое воспитывает нужные в спецназовце качества. Выжить одному в незнакомом городе с минимумом денег – не вопрос. Снять девушку, опять-таки с минимумом денег, и раскрутить ее на приглашение на чашку чая – можно сказать, легализовался в незнакомом городе. Есть где переночевать, есть какой-никакой статус. Выжить в драках с местными, не попасться милиции и военным патрулям, которые к нашей учебке слетались как мухи на... мед, в общем – уклонение от поисковых мероприятий. И так далее. Но если кто-то попадался, дисциплинарная комиссия училища была к нему беспощадна, нередко дело заканчивалось отчислением. Урок простой – спецназовцы не попадаются. Если попался – ты не спецназ и нам не нужен.

– Залетом считается отсутствие на утреннем построении без уважительных причин, нахождение на территории в состоянии опьянения, небезопасное обращение с оружием, утеря имущества, а также любые иные проступки, которые сочтет за залет дежурный офицер. При обнаружении наркотиков либо наркотического опьянения – отчисление в двадцать четыре часа с передачей дела в военную прокуратуру. Там – продолжение банкета... – Подполковник пристально смотрел на меня.

– Понял.

– Второй раз не повторяю. Даже трава под запретом, не дай бог увижу или почувствую запах. Всякая гадость типа насвая или колес – тоже.

– Понял.

Другого и быть не могло. Наркоманов на гражданке хватает, но у нас этого не было. Я знал пару парней, которые пару раз курили «бульбулятор» – бутылка-полторашка с прожженными дырками, через которые курится косяк с анашой. Но я сам этим не баловался. Никогда.

¹⁰ 9 мм – патрон 9*72, стандартный средний патрон для российской армии, под него был и пулемет, и несколько типов снайперских винтовок. Хорош тем, что под него есть пулемет и полуавтоматическая СВ, их может переносить один человек, и они забивают бронированный НАТОвский «Хаммер». Кучностью он уступал 338, потому фактически на снабжении было два средних патрона. 14,5 – во время событий в Новороссии выявилась потребность в винтовках этого калибра, они и закупались у Азербайджана и производились в России.

– Про... л имущество без уважительных причин – верни. Про спиртное. Даже запах – уже залет. Общим наказанием за залеты у нас бег. За первый залет на бухле – двадцать кэмэ, за второй пятьдесят, за третий отчисление – мне бухарики не нужны ни в каком виде. Кросс в полном обмундировании и с тридцатью килограммами груза. Залетные километры бегутся помимо общефизической подготовки, их можно поделить, но не более чем на три раза. Или заменить – уборкой толчка. Из расчета одна уборка толчка за пять километров бега. Это кому как...

– Так точно.

В принципе то же самое было и у нас. На полевых выходах копали яму под толчок, дежурными по толчку назначали залетчиков. До сих пор ходит анекдот, как один залетчик решил закончить с толчками побыстрее, надел ОЗК и полез прямо в яму, чтобы чистить ее. Как раз одному инструктору, в майорском, что ли, звании, приспичило подавить из тубика. Он пошел в место задумчивости и уединения, только с комфортом разместился, как тут резиновые пальцы трогают его за... пятую точку и глухой голос произносит: «Закурить есть?»

Весело, в общем.

– За залеты, связанные с безопасностью, наказания назначаются по усмотрению, в виде заучивания наизусть уставов и боевых наставлений и сдачи внеочередного зачета по ним. Это понятно? За другие залеты – скажем, с отсутствием без уважительной причины – в зависимости от того, что совершь и как поверят. Но не менее десяти кэмэ.

– Понял.

– С местными бабами... имей в виду, бешеные. Могут убить за измену – такое уже было. Стволы на руках полно. Если проблемы – предупреждай заранее.

Да уж понял. У нас были построения потенциальных женихов в училище, и не раз.

– Штат получил?

– ???

– Положенное по штату?

– Никак нет, только прибыл.

– Нет, только приехал.

– Нет, только приехал, – послушно повторил я.

– Получи. С каптером сам разберешься если что, не маленький. Кидать себя не давай, уважать не будут. И казарму сам найдешь. Давай, двигай. Аттестат – начфину сдать не забудь.

Да уж понял, не маленький. Спецназ на то и спецназ, чтобы все и всегда находить самостоятельно. Это махра – дошли до обозначенного рубежа, встали и ждут, пока им пожрать привезут.

– Разрешите идти?

– Давай. Книжку твою я сам кому надо передам...

Два человека стояли на втором этаже здания бывшего шахтоуправления и смотрели на улицу...

– ...Гвардии капитан Брусникин Александр Всеволодович. Спецназ, пятнадцатая бригада. Геройски погиб в сентябре восемьдесят седьмого года при обстоятельствах, не подлежащих оглашению. Присвоено звание «Герой Советского Союза» с вручением Золотой Звезды и Ордена Ленина... – Подполковник помолчал и жестко закончил: – Посмертно...

– Знал его? – спросил капитан, известный здесь по позывному Барсук. Как и все офицеры, к Бате он обращался на ты.

– Там, где я учился, он был навечно зачислен в штат части. Его имя объявляли на каждом построении. Гвардии капитан Брусникин погиб смертью храбрых при выполнении интернационального долга в Демократической республике Афганистан.

– Не знаю, как сейчас...

Подполковник стукнул кулаком по старому подоконнику, тот протестующе хрустнул...

– В Пакистане он погиб, – сказал он. – Вытаскивали пленных офицеров. Был специальный лагерь. Там работали и ЦРУ, и пакистанская разведка.

– Вот оно что...

– Так вот...

– И что мне с ним делать... с внуком героя-орденоносца.

Подполковник посмотрел в глаза подчиненному:

– Присмотри, ладно?

Располага, Ростовская область, несколько десятков километров от ДМЗ. 20 апреля 2021 года

Время для слов прошло, пришло время для пуль.

Автор

- Ты на инструктаже был уже?
- Каком инструктаже?
- По технике безопасности.
- Нет.
- Давай, вали. Найдешь Синицу... так и спрашивай – Синицу. Она тебе все расскажет.
- Она?
- Увидишь. Давай...

Найти свою казарму проблем не составило – по тому пикапу, который вез меня от ворот части. Бросил туда свое немудреное барахло, или майно, как тут говорили, и пошел разыскивать склад. Разыскал – он был заглубленным, на месте какого-то там шахтного отнорка или... чего там, не знаю.

Там получил немалое количество снаряги, оружия и майна, большая часть которого там же и осталась в моем шкафчике, больше похожем на однокомнатную квартиру: места здесь на все хватало. Во-первых, каждому полагался АК-74 с ГП-25, это на случай выхода в ДМЗ под прикрытием, там это самое распространенное оружие. Во-вторых, я получил современный АК-12, потому что он мне полагался по штату. И М4 с глушителем и оптическим прицелом производства киевского завода «Маяк», потому что каждый спецназовец должен был иметь трофейное оружие на случай чего. В-третьих, я как снайпер должен был получить и получил полный набор: ВСС-М, старую СВД с глушаком (опять на случай выхода на ту сторону), СВ-98 (старую, еще в фанере) СВ-338¹¹, ОСВ-96 и СВ-16¹². Все это мне требовалось пристрелять, и как можно быстрее, потому что снайпер никогда не доверяет оружию, которое не пристрелял лично. В-четвертых, мне полагалось оружие самообороны «Грач», как во всей армии, ПМ для выходов, и еще здесь давали «МикроУзи». Причем «МикроУзи» необычный, с глушаком и длинным магазином на тридцать два патрона. В ответ на недоуменный вопрос, почему не дают «Гюрзу»¹³, экипировавший меня прапор мелко рассмеялся:

- Синичку нашу еще не видел.

Опять Синичка.

- Нет.

- Значит, не знаешь. От собак это.

- От собак?

– Да, от собак. Никакого спасения от них нет. Они сбиваются в стаи, человека совершенно не боятся. Иногда по десять, по пятнадцать собак бывает – эти на группу не нападут, только если один идешь или вдвоем. Ну или если бдительность потеряли. Но говорят, есть такие места, где они живут... подвалы там, еще карьер какой-то есть. Там их может быть и сотня, и тысяча. Если сомневаешься – тут же лезь наверх и молись. Разорвут на куски. Собаку только автомат и сшибает – очередью. Если бьешь собаку, то старайся в голову, визгнет или взвоят – сбегутся

¹¹ Снайперская винтовка Ижевского завода, СВ-98 в.338 калибре.

¹² Снайперская винтовка Ковровского завода, полуавтомат под 9*72. Отличительная особенность – магазин сбоку, что давало возможность использовать магазины большой емкости и при этом плотно прижиматься к земле. Кстати, тот факт, что за одним человеком закреплено сразу несколько стволов, для спецназа норма, а для снайпера тем более.

¹³ Пистолет калибра 9*21, используется только спецназом. Очень мощный.

все собаки, которые это услышат. Некоторые от собак носят обрез помпового или двухстволки, но это по желанию.

– На людей собаки нападают?

– А как ты думал? Их и мы, и укронастики стреляем, но они не переводятся.

– А чем они питаются?

– Рейды делают. И к нам, и туда. Как диверсанты, ей-богу, границу на брюхе проходят. Могут скотину задрать, ребенка задрать, старуху порвать. Тут ты человека без ствола не увидишь, полиция закрывает глаза – думаешь, из-за диверсантов?

– Из-за собак?

– Из-за них.

– А чего там еще опасного?

– Это тебе, мил человек, Синичка расскажет. На пристрелку брать будешь?

– Ага. СВД, СВ-98 и ВСС.

– Хорошо. Тут только распишись в журнале, что взял. Патронов сколько возьмешь?

– Лимит есть?

– А как же. Только нас он не касается. Пополняем всяко: и за счет трофеев, и добрые люди помогают. Бери сколько надо.

Весело тут...

Наскоро пристрелял и СВДшку, и ВСС-М. СВДшка была трофейной, тут был харьковский титановый глушак и прицел 5*25 «Найтфорс» на титановом кронце – как только все это не прихватизировали до меня руки загребущие. «Найтфорс» для СВД и в самом деле слишком, он в несколько раз дороже стоит, чем винтовка. Про себя я решил, что если попадется что-то трофейное с той стороны – а там американские поставки и трофеи попадают приличные, – переставлю. А на СВД поставлю... Вектор, наверное. Это Китай, но качественный Китай. До пятисот метров он тянет – а дальше не тянет уже сама винтовка. СВД есть СВД – как ты ее ни крути. Не может винтовка, созданная семьдесят лет назад, быть конкурентоспособной, что ты с ней ни сделай...

Стрелял я со старого террикона, там было стрельбище. Оно и безопасно, потому что пуля в землю уходит, и правильно, потому что на той стороне так часто стрелять приходится, там терриконы кругом, остатки шахт, обогатительных комбинатов. А выстрел сверху вниз самый сложный с точки зрения поправок.

ВСС-М я пристрелял на сто метров, дальше и не нужно. Не работает она дальше, зато до ста метров – самое оно. Прицел там хороший 1–4, он и оптика, и коллиматор, переключается рычажком. В комплекте идет.

СВ-98 не то чтобы разочаровала, но хотелось большего. Винтовка новая, первой категории – надо доводить. Прицел – Гиперон, дорогой и никуда не годный, может быть, «Найтфорс» повесить на нее? Нет, Найт побережем для чего-то другого, а сюда надо что-то или подобрать, или затрофеить. Вообще, старая СВ-98 первых серий – может самокрутом¹⁴ делать до 0,3 МОА, это великолепный показатель даже для иностранных винтовок. Нас как раз начинали учить на СВ98, и от снайпера, который реально работал на ней долгое время, я узнал, что винтовки надо подбирать, у них год от года сильно гуляло качество, даже качество ствола – он делался из разных марок стали. Надо еще раз вдумчиво пострелять из нее, и если так ничего и не удастся сделать, то сдать на склад. А вообще, неплохо было бы раздобыть МЦшку¹⁵, как у белорусских снайперов. Помимо прочего, она питается из магазина от СВД, это проще и с точки зрения подбора снаряги под нее, и с точки зрения перехода с СВД на более точную МЦ и обратно.

¹⁴ Самокрут – то есть самостоятельно снаряженные патроны.

¹⁵ Белорусские снайперы вооружены винтовкой Мц116, у нас она проиграла СВ98 в конкурсе на армейскую Св.

Отстрелявшись, я сдал оружие обратно на склад, повесил кобуру с «МикроУзи» (из-за собак оружие носили постоянно) и двинул в распорягу, где мне напомнили о Синичке во второй раз. Это уже что-то...

– Наибольшую опасность в ДМЗ представляет собой вода...

Хороший солдат запросто может делать два дела одновременно. Например, спать и слушать лекцию. И не привлекать к себе излишнего внимания лектора храпом. Но в этом случае я слушал и смотрел во все глаза. И думал совсем не о воде...

Никогда не думал, что женщина, на десять лет меня старше... как минимум.

Ладно, мысли в кучу, и...

– ...вода на Донбассе может представлять собой смесь обычной пресной воды и так называемой шахтной воды, то есть воды, которая поднялась с глубин и представляет собой опаснейший минерализованный рассол, в котором содержание различных взвесей может составлять до семидесяти процентов. До того как началась война, эта вода регулярно откачивалась из шахт и очищалась, но теперь ничего этого не делается. Шахты в большинстве своем брошены на произвол судьбы, многие обводнены. Иногда достаточно глотка такой воды для наступления необратимых последствий. Признаками такой воды являются...

Наверное, где-то недалеко продают розы. Надо выяснить...

– ...наличие возле водоема трупов животных и птиц, мертвая рыба, засохшие трава и деревья, необычный цвет, привкус, запах воды. Знаки, предупреждающие об опасности, в том числе самодельные, разведывательная информация местных жителей. Следует иметь в виду, что даже вода из-под крана может быть опасна, так как большинство труб с питьевой водой разрушено под влиянием времени и агрессивной среды, в некоторых местах опасная шахтная вода поднялась до уровня поверхности, разъела трубы и проникла в них...

Вторая опасность – это собаки...

Про собак я уже слышал.

Хотя нет... розы ей, наверное, дарили. И не раз. Вполне возможно, что она либо дочь, либо жена, либо походно-полевая жена кого-то из лампасных. И влетите вы, господин лейтенант, в историю...

– Третья по степени встречаемости и риска для жизни опасность – это сами по себе строения и их неустойчивость. Практически все крупные шахтерские города, в том числе и Донбасс, стоят на шахтных выработках, глубина добычи каменного угля достигала полутора тысяч метров. После того как шахты были заброшены, в них начала проникать вода и разрушать крепи, начался неконтролируемый обвал подземных горизонтов. Это привело и сейчас приводит к землетрясениям, разрушению строений на поверхности, появлению трещин в фундаментах и по стенам. Находясь в любом городе, в том числе и в Донецке, принимайте во внимание, что любая поверхность, которая кажется прочной, на самом деле таковой может не являться. Некоторые здания неустойчивы настолько, что могут сложиться от попадания пуль или ракеты РПГ.

– Гранаты, – машинально поправил я.

– Что?

– Гранаты. Или правильнее – выстрела.

Она немного смутилась:

– Да, конечно. Так вот здание может от попадания гранаты разрушиться целиком, поэтому опасайтесь отвалов, опасайтесь останавливаться на ночлег в зданиях и длительное время находиться в них. Принимать бой в здании тоже может быть опасно, по крайней мере – в незнакомом здании, которое вы не осмотрели. При артиллерийском обстреле, попадании ракет «Града» рушатся целые кварталы...

Да... здорово. Получается, что-то, что с виду кажется укрытием, на деле может оказаться смертельной ловушкой. Плохо.

Короче, закатайте губу, господин лейтенант, и думайте о хорошем. Надо подобрать парадно-выходную форму (не военную, естественно) и найти кого-нибудь в Ростове. Какую-нибудь хохлушечку, чтобы язык еще подучить...

– Так же опасен шахтный метан. Шахтный метан поднимается из заброшенных и законсервированных шахт, просачивается через трещины в земле, скапливается в подвалах и на первых этажах домов. При стрельбе может сдетонировать, как бомба. Метаном также можно отравиться, поэтому если вы останавливаетесь.

Объемного взрыва. Твою мать...

– Опасность может представлять и сам шахтный террикон. Некоторые горят, и продолжаться это может десятилетиями. Некоторые собирают метан и могут взорваться. Но большинство терриконов все же безопасно.

Опасность могут представлять дырки. Так называют неглубокие шахты, на которых когда-то добывали уголь ручным способом. Некоторые дырки могут располагаться прямо на огороде, некоторые засыпали мусором. В дырку можно провалиться, потому смотрите под ноги. В дырке может скрываться враг.

Наконец, болота и бульки. После того как из шахт к самой поверхности поднялась шахтная вода, а из-за незаконной добычи углей у поверхности через дырки пресная вода ушла вниз, плодородный слой почв большей частью разрушился и появились болота. Попав в болото, без посторонней помощи вы не выберетесь. Но еще опаснее бульки.

– Бульки?

– Да, бульки. Так называют места, где сохранилась твердая с виду корка, но под ней – болото. Песчано-водяная смесь. Бульки образовались из-за того, что снизу поднялась шахтная вода, и из-за того, что в довоенный период местные жители активно добывали уголь в угольных пластах, лежащих у самой земли, что привело к повсеместному разрушению подпорных слоев, удерживающих пресную воду у поверхности. Пресная вода ушла с поверхности, пересохли даже многие реки, но она не пошла глубже из-за следующих подпорных слоев и так и осталась под поверхностью. Верхняя корка засохла – образовалась булька. Площадь бульки может быть и один квадратный метр, и сто, но даже маленькая булька смертельно опасна. Признаком бульки можно считать куст необычно богатой растительности на ровной поверхности – или наоборот, отсутствие растительности там, где вода в бульке смешалась с шахтной водой и стала отравленной. Также должна насторожить неестественно ровная поверхность земли, без трещин, на которую вы вступаете. Ну и следует доверять рассказам местных жителей. Если попали в бульку, поведение такое же, как при попадании в болото, – не делать резких движений, позвать на помощь. На подозрительной местности желательно иметь при себе посох длиной не менее полутора метров, некоторые вбивают в один конец посоха гвоздь или делают крюк, чтобы иметь возможность цепляться за поверхность. Булек никогда не бывает на отвалах и терриконах, их нет там, где видны камни, – иначе бы эти камни ушли под землю, в бульку. Вот почему...

Нет, все-таки надо навести справки... Один раз живем...

– Ну, что? Закошмарила тебя Синичка?

Я кивнул. Мы сидели в одном из модулей на кроватях, и я постигал науку молодого бойца – здесь она своеобразная, как, впрочем, и везде. На КМБ такому не научат...

– Ага. Одни собаки чего стоят!

Алексей прищелкнул языком.

– Инфа по собакам устаревшая. Повывели их.

– Совсем?

– Ну, совсем не совсем, но повывели знатно. Раньше были случаи, что и в Донецке человека собаки рвали, и здесь, на нашей территории, а теперь нет. По моим прикидкам, где-то две трети завалили.

– Как?

– Придумали один приборчик. Один ученый придумал. Что-то вроде тамагочи, самый примитивный. Его включил – он издает что-то вроде лая, собаки от этого бесятся. Но сам лай не слышен человеку, на каких-то там низких волнах.

– Инфразвук.

– Может быть. И вот в нужное время разбросали такие вот тамагочи на заранее пристрелянных позициях и включили. Одновременно. Все собаки рванули туда. Они, когда лай слышат, бегут туда. Как только они сбежались – по этим координатам минометы и «Грады» отрабатывали. Не скажу, что всех завалили, там, в конце концов, и суки, и щенки были, но потрепали тварей здорово. Мы недавно проходили возле этого места, костяков там... А мяса нет – крысы съели...

– Крысы?

– Да. Сейчас эта напасть похуже собак будет. Раньше собак больше было, они приноравливались крыс ловить. Крыса для собаки такое же мясо, согласен?

– Ну да.

– Теперь собак меньше стало, вот крысы расплодились. Гады. А те собаки, что остались, они теперь самые опасные. Говорят, могут за человеком двадцать километров на брюхе ползти, ждать, пока он на ночевку устроится, – как устроится... Еще говорят, что укронацики специально собак-людоедов выращивают и выпускают, еще щенками к человеческому мясу приучают, на пленных натравливают. Но я не верю. Ерунда все это.

– А про укров что скажешь?

– Про укров? Укры тоже разные бывают, братишка. Бывают такие, что их если и в плен берут, то для того, чтобы за ноги повесить – за шею их не вешают, только за ноги или на кол. А есть и более или менее нормальные. Вообще, нельзя говорить, что с той стороны одно зверье. Там тоже люди есть, и больше, чем кажется.

– Но зверье все же есть.

– А сам как думаешь? Есть, конечно, сколько лет уже воюем. Кто-то озверел, а кто-то и был зверем. Есть законченные беспредельщики, родноверы, уголовники, фашисты. Только попади к ним на подвал.

– А если попал на подвал, тогда что?

– Это смотря к кому попал. Если к военным, тут все проще, тебя поменяют или выкупят. Могут, конечно, отделать как бог черепаху, но это заживет. Ты русский, тебе проще.

– Ты тоже.

Леха цокнул языком.

– Не все так просто. Я крымчанин. Нас ненавидят все, даже военные. Думают, что мы предатели. Поэтому мне на подвал никак нельзя. Лучше гранату – и...

Леха засмеялся, показав крепкие, белые зубы. Смешного тут, конечно, мало.

– А если не к военным?

– Тогда смотря к кому. Могут поменять – если кто-то на нашей стороне сидит или нужен. Могут продать в рабство. Могут пытать до смерти, могут опустить, это у кого чего в бошку взбредет. Фашики самые опасные, они как эсэсовцы, а еще есть родоверы, они могут в жертву принести...

– Подожди. – Я даже не обратил внимания на слова о принесении человеческих жертв. – Опустить, это...

– Ага, – буднично пояснил Леха, – в ж... вы...т. Такое было не раз и не два. С той стороны – п...ров полно. Хотя тут тоже у кого как. Некоторые п...ров сами расстреливать готовы, а некоторые...

– А что – они не опасаются?

– Чего?

– Тут, между прочим, тоже украинцы живут. И если они опускают...

– А ты тут будешь опускать? Не будь как они!

Так я впервые услышал эту фразу – не будь как они. Для некоторых в пограничной зоне это были просто слова, некоторые сверяли всю свою жизнь с этой немудреной фразой. Не будь как они. Не будь фашистом.

– Ну да. У меня, например, не встанет.

– То-то и оно. Могут на кол посадить. Могут на органы продать. Надо держать ухо востро... на подвал не попадаться...

– С...и.

– Вот именно. И не боятся. Это мы всегда и во всем виноваты. А они – что бы они не творили, им прощение будет. Особенно после двадцатидневной войны. Они – те, кто сражается с Мордором, с силами вселенского зла, а зло это мы и есть, русские. Мы – тот самый Мордор, орки и все прочее. Если они будут пытаться – если даже они это будут делать где-нибудь в Брюсселе, посреди улицы – никто и ничего не скажет. Если мы будем пытаться – про это покажут все телеканалы мира и это будет очередным подтверждением преступного характера российского режима и народа в целом...

– Здорово...

– Знаешь, когда у меня глаза открылись? Я с одним украинцем переписывался. И он мне как-то выдал: вы все – быдло и уголовная мразь, даже если не сидели¹⁶. Тут-то до меня и дошло, что наши слова для них – что горох в стену. Хватит говорить и писать, уже мочить надо. Время для слов прошло, пришло время для пули...

¹⁶ Это не разжигание, а реальное высказывание реального украинца, которое автор выкладывал в своем ЖЖ.

Ростовская область, база спецназа. 22 апреля 2021 года

К утру начали возвращаться из Ростова бойцы, и тут я понял смысл слова «маргиналы», понял сам, без лишних расспросов. Дело в том, что, когда осуществлялся контролируемый вывод войск обеих сторон из ДМЗ, на нашей территории оказались десятки тысяч мужиков, молодых и не очень, которые уже забыли, как держать в руках отбойный молоток или лопату, но хорошо помнили, как держать в руках автомат. К решению проблемы подошли комплексно. Тех, кто успел сколотить банды на территории России, посадили, кого на двадцать, кого на пожизненку, многих застрелил при задержании отчаянный Ростовский ОМОН и спешно перебросенные в регион отряды спецназа из СКФО¹⁷. Кто высказал желание воссоединиться с семьями и взяться за труд – тем дали такую возможность. Кого отправили на профессиональную переподготовку. А наиболее опытным, прошедшим реальную школу боевых действий, предложили поступить в военное училище или просто подписать контракт и служить. Тем более что контрактников всегда не хватало. Часть из тех, кто подписал контракт, так и осталась служить на границе или на территории ДНР и ЛНР. Демилитаризованную зону они знали, как собственный сортир, потому что это и был их дом... бывший дом. Задачи были простыми – шариться по украинской стороне ДМЗ, партизанскими действиями подрывать моральный дух и наносить материальный урон противнику, вести разведку, не допускать прорыва противника через ДМЗ... ну и так далее. С точно такими же задачами с той стороны действовала НГУ – Национальная гвардия Украины.

Бойцы эти проходили курсы молодого бойца, но дисциплина у них оставляла желать лучшего. Так что в отряды давали специалистов по сложным специальностям, например, профессиональных снайперов, саперов, связистов, медиков. Вот в качестве приданного специалиста – снайпера – в группу попал я.

Снайперы в группе уже были – четверо на двенадцать человек, видимо, они при необходимости разделялись на четверки как в 22 САС, и в каждой четверке обязательно должен был быть снайпер. Сейчас эти четверо стояли передо мной, и младшему из них было столько же, сколько и мне, а старшему – аж пятьдесят три года. За каждым из них – несколько лет войны...

– Оружие к осмотру...

Усмехаются. Мол, чему ты нас научишь. Но команду выполняют.

Неплохо. СВД, «Мосинка», семисотый «Ремингтон» и «Вепрь». «Вепрь» – сто двадцать третий, но со стволом длиной в семьсот миллиметров, тяжелым – ни у одной СВД такого ствола нет. Плюс бесшумное оружие – один карабин СКС с оптическим прицелом и глушителем, один ЧеЗет, под 7,62*39, тоже с самодельным глушителем, один ВПО-209 и один МР-378¹⁸. На ВПО и на МРке стоят прицелы ПУ 3,5, на одном явно новодел, на другом военный, но у этих прицелов есть новоделы намного лучше военных, их сейчас Новосибирск выпускает. И глушаки. Назначение понятно – оружие для ближнего и для городского боя, бесшумное. На «Чезетке» видны следы на патроннике, что-то с ним сделали. Я достаю патрон – так и есть. В автоматную гильзу запрессована тяжелая винтовочная пуля. А патронник, скорее всего, токарным станком кустарно развернули под самодельный спецпатрон, но долго такая штука не протянет.

¹⁷ Северокавказский федеральный округ.

¹⁸ ВПО-209 – АК под патрон-парадокс ТКМ366, гладкий ствол с нарезным участком. Позволяет использовать пули весом до 18 граммов, что тяжелее, чем у патронов СП для «Винтореза». С глушителем выстрел почти бесшумный, лязг автоматного затвора заглушает звук выстрела. И в магазине может быть до 30 таких патронов. МР-378 – винтовка Мосина, перестроенная под патрон 411 ТКМ. Сочетает почти полную бесшумность и сокрушительную убийную силу, энергетика пули на выходе из ствола с самой тяжелой пулей – 4800 джоулей.

– И что, на сколько такая тянет? – спросил я обладателя этой винтовки, парня с длинными волосами.

– Семьдесят... восемьдесят.

– А дальше?

Он пожал плечами:

– А зачем? Это – для близи. Зато вблизи она совсем тихая – котенок громче пукнет. И плиты пробивает¹⁹.

– Покажешь?

– Да без проблем...

Думаю, проблемы будут, но потом.

– Так, общее внимание...

...

– Я – Брусникин, Александр Иванович, звание – старший лейтенант. Закончил Рязанское воздушно-десантное по специальности «специальная разведка» и Красногорский центр. Чем занимается Красногорский центр, думаю, все знают.

...

– Назван в честь деда, Брусникина Александра Всеволодовича, Героя Советского Союза, погибшего при выполнении воинского интернационального долга в Демократической Республике Афганистан.

...

– Я хочу выжить и выйти на пенсию старым и мудрым полковником, написать пару книг, на которые поставят гриф «ДСП» и удалиться на покой. Купить, скажем, домик где-то в Сибири и бить марала. Или стать генералом и получить возможность исправить ошибки, которые мы допустили, с появлением на наших границах фашизма.

Кто-то криво усмехнулся. Понятное дело – веры нам теперь нет. Хотя мы сделали все, что могли на тот момент, и очень сильно подставились. Я это знаю, потому что у отца собирались офицеры... разговаривали.

– Я понимаю, что это ваша земля и мне многому придется учиться у вас. Вы же наверняка думаете, что вам нечему учиться у меня. В таком случае приглашаю на стрельбище, посмотрите, сделаете выводы...

Молчание.

– Вопросы?

Самый пожилой, почти полностью седой мужик с подведенными черным от угля глазами спросил:

– Дед где служил?

– Пятнадцатая бригада спецназ. Еще вопросы?

Проверят. Этот, скорее всего, афганец, на первом этапе афганцы и вынесли на себе всю тяжесть этой войны. Пусть проверяют, я не вру.

– За мной, шагом марш...

Как и все снайперы, окончившие Красногорский центр, я получил винтовку, ее только так и можно было получить, обычным снайперам такие не выдавали. Если первым выпускам выдавали Steyr SSG, то я заканчивал уже в эпоху санкций и получил Точность – ОРСИС. Теперь где она, там и я, потому что ни винтовка такая не имеет смысла без снайпера, ни обученный снайпер не имеет смысла без такой, подстроенной под себя винтовки. Винтовка ничем не уступает тому же «Штайру» или находящемуся на вооружении американцев «Ремингтону» и стреляет самым распространенным «дальнобойным» патроном – триста тридцать восемь ариа. Если

¹⁹ Скорее всего, плиты плейт-кэрриеров.

из старой СВД граница уверенного поражения ростовой фигуры составляет пятьсот-шестьсот метров... и то если опытным снайпером²⁰, «Лапуа» начинается от километра и примерно до километра восьмисот. Дело в том, что до километра триста тридцать восьмая пуля летит на сверхзвуке²¹, что значительно повышает точность. А на пятьсот-семьсот метров особо и поправка считать не надо.

Чтобы не считать поправки на угол места цели, я залег на «Урал», который принадлежал группе. Целью была стопа бетонных плит – противовес, на неизвестно откуда здесь взявшемся неработающем кране. Один выстрел из винтовки триста тридцать восьмого калибра, как говорил инструктор в Красногорске, обходится государству в семьсот рублей²². И потому промахиваться – слишком дорого...

Каждый выстрел – в цель.

Прицел выставил на максимум – двадцать пять. При такой кратности чувствуется, отражается на картинке даже дыхание...

Замер. И – раз...

Изображение на мгновение стерлось... Я даже смотреть не стал. Знаю, что попал, без вариантов.

– Есть! – заорал кто-то. – Ты смотри, есть!

Правильно, что радуется. У украинцев давно и «Барреты» есть, и кому на них работать есть – американцы, поляки их учат. А мы... с СВД много не набегаешься...

Встал... потянулся... мышцы затекли, да еще мокрый как мышь. Триста тридцать восьмой – строгий и неприятный калибр, у пятидесятого, например, отдача мягче. Это даже не «Барретт», из которого довелось пострелять в Красногорске, – трофей.

– Учиться будем?

²⁰ Есть снайперы, которые попадают из СВД и за тысячу метров. Но при этом в Чечне армейские снайперы, по их собственным словам, работали от ста пятидесяти до трехсот метров и использовали пулеметные патроны, то есть даже не имели снайперских патронов, у которых кучность выше раз в десять. Подобная ситуация показывает катастрофическое состояние снайперского дела в армии, а пятилетний срок на нарез и отсутствие массовых стрельбищ лишает нас и подготовленного резерва.

²¹ Дело в том, что пуля в начале траектории летит на сверхзвуковой скорости, потом переходит на дозвук. При этом с ней происходит то же, что и с самолетом, потеря стабильности. Так что кучность и точность за пределами перехода на дозвук резко падают. Патрон «Лапуа» был как раз и создан из расчета сохранения сверхзвуковой скорости до тысячи ярдов, так как именно на этой дистанции происходят основные чемпионаты для снайперов, в том числе кубок армии США и кубок Уимблдона в Англии.

²² На момент написания в РФ патроны этого калибра не производились. Опытную партию планирует выпустить Новосибирский патронный по цене не менее 400 руб./патрон. Импорт, по данным автора, стоит 1500–1600 руб. за патрон.

Демилитаризованная зона. Воздушное пространство. 25 апреля 2021 года

– Глянь...

Я посмотрел в иллюминатор – ничего кроме темноты. Но у многих бойцов ополчения был опыт шахт, поэтому они не боялись темноты и не слепли ночью.

– Что это?

– Террикон. Ниже терриконов идем, ты прикинь...

– Здорово...

Еще бы нам выбраться отсюда. Желательно живыми.

– Донецк уже прошли?

– Прошли. Десять минут назад.

– Так, внимание...

В кабинете Лисова, или Бати, собрались только офицеры. Причем не все, а те, кто нужен был для постановки боевой задачи. Правило «меньше знаешь, дольше живешь» работало и здесь...

Присутствующий здесь же лысоватый мужчина лет сорока с волчьими глазами положил на стол фотографию.

– Токар, Георгий Ефимович. Последнее специальное звание – полковник милиции. Тридцать шесть лет...

Ого. Неплохо для полковника. Интересно, за какие такие заслуги дают полкана в тридцать шесть?

– Это наш агент, он почувствовал опасность и попытался бежать через ДМЗ, мы поддерживали с ним контакт. Но на одном из постов его машина попала под обстрел, он вынужден был ее покинуть и уходить пешком. Возможно, он был ранен, мы не знаем точно, контакта с ним нет...

– Его давно собаки порвали, если он ранен, – сказал Барсук, – раненому в одиночку в ДМЗ не выжить. Они чувствуют кровь.

– Разговорчики...

– Извините...

– Мы тоже так думали, – сказал Лысый, – до тех пор, пока не получили другую информацию. Вот от этого человека.

На стол легла еще одна фотография.

– Позывной Бармалей. Гражданин Украины, родом из Донецкой области, криминальный авторитет. Сидел за вымогалово, вышел досрочно, что характерно, сразу после выборов президента. Больше не попадался. Занялся бизнесом, после того как началась война, сколотил вокруг себя группу. Когда организовывали армию ДНР, войти в нее отказался, но на открытый конфликт тоже не пошел...

Армию ДНР...

Знаете, где мы упоролы свой самый главный косяк? Ну может, не самый главный, самый главный мы упоролы, когда не втоптали эту фашистскую погань в землю еще в четырнадцатом, после Мариуполя и Одессы, но следом – косяк? А тогда, когда мы стали делать «армию ДНР». В армии нет драйва, есть только бюрократия и приказы. Вот они все дело и сгубили. А надо было дать оружие всем, кто хочет, и еще летом четырнадцатого устроить джихад по всей Украине. Настоящий, по-взрослому. С обстрелами на дорогах, со взрывами складов, с снайперскими выстрелами по обнаглевшим киевским политикам, с убийствами из-за угла. Чтобы запылала вся Украина, чтобы боевиков пытались прибить, как тараканов тапком,

и не могли, чтобы фронт рухнул навсегда, чтобы стрельба была не в Донецкой области, а вспыхивала то тут, то там. Огромная, плохо прикрываемая граница, Харьков в сорока километрах от границы – нельзя было допустить, чтобы укры смогли сконцентрировать свои силы на фронте и локализовать сопротивление. Не верю, что нельзя было сделать! И тогда не было бы позора две тысячи пятнадцатого года, а потом и две тысячи семнадцатого, когда украинцы и НАТО попытались повторить операцию «Буря»²³ – да не рассчитали, что российская армия ломанет по ним всем, что было в распоряжении. Солидно, кстати, ломанули – потери не могут подсчитать до сих пор. Говорят, тысяч двадцать в те дни погибло.

Но надо было не так.

...на сегодняшний день Бармалей и его люди контролируют окрестности Краматорска, напрямую, не сотрудничая с нами, но предоставляя по своему выбору информацию и получая за это плату. Вчера Бармалей связался с нами и сообщил, что знает, где находится полковник Токар. В доказательство он предоставил информацию, которую наши эксперты сочли достоверным и достаточным доказательством.

– Какую информацию? – спросил Лисов.

– Это закрытая информация.

– В таком случае мои люди никуда не идут, – сообщил Лисов.

...

– Это может быть засада. У нас с нациками старые счеты. Если они схватили вашего полковника или нашли его обглоданный труп, они могли просто использовать его в качестве приманки.

– Мы тоже не верим Бармалею до конца. Но идти придется. Это приказ из Москвы. Не из Ростова.

– А не пошли бы вы...

– Полковник...

При подчиненных офицерах отказываться выполнять приказ, посылать по матушке того, кто его передал, – последнее дело. Но я уже понял, в чем дело. Этот лысый не армейский. И он в принципе мало что может сделать тем, кто засел здесь, на границе...

– Какие варианты в случае предательства Бармалея?

– Он понимает, что в этом случае рано или поздно будет уничтожен. Его бизнес, как и всех, кто остался там, замкнут на Россию, если он предаст – кислород ему будет перекрыт. Кроме того, к украм ему ходу нет, у них он числится личным врагом сразу у нескольких комбатов. Ему не получить прощения – даже если получит, его все равно убьют.

– Хорошо, – подумав, сказал Лисов, – допустим, убедили. Теперь что с обеспечением вывода?

– Четыре «Касатки» и звено истребителей на прикрытии.

– Ого! Нам и одну-то не дают.

– Это дело государственное...

По моментально сгустившейся атмосфере я понял, что лысый немного не вкуривает ситуацию... Не знаю, где и как он служил до этого, но до него не доходит, что только что он заслужил хороший пощак, как говорят на Кавказе. Но полковник Лисов предпочел этого не заметить по каким-то своим причинам.

– Хорошо. Теперь по прикрытию...

²³ Операция «Буря» – боевая операция сил Хорватии и Боснии и Герцеговины, имевшая место в августе 1995 года, в результате которой прекратила существование непризнанная республика Сербская Краина – сербский национальный анклав на территории Хорватии. Действия хорватских войск во время этой операции носят отчетливые признаки геноцида. На момент написания этого текста украинские националисты считают операцию «Буря» образцом того, как надо поступить с ДНР и ЛНР. Автор в своем ЖЖ разбирал, почему операция «Буря» на украинской земле почти не имеет шансов, а если и будет предпринята, то приведет к кровавой бойне, но не к успеху.

– Брусникин...

Я выходил из здания бывшего шахтуправления, поглощенный собственными мыслями, и не заметил сразу, кто ко мне обращается. Это был водитель. Водитель борзой черной «Тойоты», стоящей у здания шахтуправления, – с ноль пятыми почему-то, дагестанскими номерами. На этой «Тойоте», скорее всего, приехал лысый.

– Лейтенант Брусникин.

– Старший лейтенант. – Я положил руку в карман.

– Вас.

Я недоуменно посмотрел на телефон в руке водителя:

– Меня?!

– Вас, вас...

Я посмотрел на него. На телефон. Спутниковый, Thyraya. Взял.

– Аллю.

– Александр?

Мой отец никогда не называл меня иначе. «Сашка», «сынок» – я никогда этого от него не слышал.

– Я слушаю.

– Человека, который приехал к вам в распоряжение, зовут Иса Исаевич. Сейчас я положу трубку и он перезвонит. Сделай, как он скажет, хорошо? Это важно.

Вот так вот.

Ни поинтересоваться, как дела. Ни сказать что-то про мать. Ничего.

– Александр, ты слышишь?

– Да.

– Кладу трубку. Это очень важно.

– Да.

Я нажал на отбой, дождался нового звонка – он последовал почти сразу.

– Александр?

– Для вас – Александр Иванович.

– Да, что нужно?

– Иван Александрович хорошо отзывался о вас.

С...а.

В спецназ не попадают просто так. Нужна очень сильная мотивация, чтобы все преодолеть, пройти и остаться. Такой мотивацией могут быть только два чувства – любовь и ненависть. Моим была ненависть.

Только мой отец мог до такого додуматься. Впрочем, после Чечни он стал совсем другим человеком. Настолько другим, что ни у него, ни у меня теперь не было нормальной, полной семьи.

– И что?

– У нас есть... я прошу прощения, что не могу сказать это вам, глядя в глаза. Вы должны понимать, что...

– Я понимаю, – перебил я, – дальше.

– Полковник Токар. Он и в самом деле находится на подвале. Мы хотим его спасти. Но если выйдет так, что спасти его будет невозможно, вы должны сделать все, чтобы он не попал в руки противника живым. Это крайне важно. Звонить нам будете по этой трубке, оставьте ее себе. Она спутниковая, предоплаченная.

С...а.

– Вы поняли?

– Да. Я понял.

– Вы обещаете, что сделаете все, что в ваших силах?

Я подумал.

– Да. Обещаю. В ответ на обещание с вашей стороны.

– Какое?

– Передайте моему отцу: не надо мне звонить, не надо мной интересоваться. Я понимаю, вы, скорее всего, младше званием. Но передайте. Думаю, это проще, чем убить человека.

Я завершил звонок. Пошло оно все в...

Четыре «Касатки». Четыре обтекаемые скоростные птицы с почти бесшумными лопастями и хвостовым винтом – фенестроном, наш ответ на вертолеты «Стелс», на которых американский спецназ добрался до дома в Абботабаде и помог некоему Осаме бен Ладену досрочно покинуть сию юдоль скорби. Эту операцию, уже вошедшую в учебники по специальным оперативным действиям, мы изучали на втором курсе в Рязани. В то самое время, когда уже наши «Рэмбо» высаживались в тылу врага с таких вертолетов и рвали мосты на Днестре.

Как там...

*Это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
Подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б
не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время
чисты...*

Только вот раньше мосты рвали над Бугом, а теперь – над Днестром. А дальше что? Над Волгой?

– Малой!

...

– Что хмурый такой?!

– Да нет. Ничего.

Точка высадки была на какой-то дороге, двухполосной, удивительно хорошо сохранившейся. Вертолеты на несколько мгновений зависали над полотном и тут же уходили в сторону, оставляя на земле по восемь до зубов вооруженных бойцов...

Земля толкнула в ноги как на учебной высадке, дальше надо было сразу в сторону, прикрыть свой сектор и обеспечить возможность высадки остальным.

Ветром рвануло волосы – «Касатка» прямо надо мной пошла на разворот...

– Десант на земле!

Зазвучали позывные, я назвал свой, когда была моя очередь.

– Побиться на группы, вперед. Группа управления, ко мне.

Группа управления – это в том числе и я. В группу управления входит командир, два его телохранителя, одна из саперных групп (вторая идет в голове) и старший снайпер с телохранителем. То есть я и Крым. Радиста в группе нет, рация сейчас укладывается в кармане брюк и имеет спутниковый канал. Место наше – между движущимися гуртами...

Спецназовцы при движении копировали тактику бандеровцев. Минимальная боевая единица – не отделение, а пятерка бойцов, именуемая так же, как и у бандеровцев, – гурт. Командир соответственно гуртовой. Два гурта составляют отделение, третий гурт иногда придается на усиление. Гурт – весьма удобная боевая единица, делящаяся по схеме три – два или один – четыре на сектора огня и маневра. В движении каждый гурт двигается самостоятельно и вне предела видимости других гуртов. Численность гурта достаточна, например, для того, чтобы

вытащить одного-двух раненых под прикрытием огня остальных, спасти провалившегося в бульку и выдержать нападение даже крупной стаи собак. Противник, видя гурт в пять человек, может и не предполагать, что за ним идут другие гурты, принять бой и сильно, очень сильно ошибиться. Если гурт принимает бой, то либо остальные подходят к нему на помощь, либо он отходит, постепенно соединяясь с другими гуртами.

Управление всем отрядом составляло отдельный гурт, численность его не была регламентирована, и он перемещался, как было удобнее. В нем шел и я – с винтовкой за спиной в чехле и пистолетом-пулеметом с глушителем в руках. «МикроУзи», пусть и украинского производства (детали израильские, свои так и не научились делать, украинская только сборка), хорош не только против собак, но и против людей.

– Справа, – негромко сказал Крым, мой телохран. Его так ко мне в пару и назначили – охранять и помогать.

Я обернулся, но не увидел ничего, кроме шевеления сухой травы.

– Не вижу.

– Собака. В траве ползет.

Я прицелился.

– Не надо. Пусть. Она понимает, что мы ей не по зубам...

С...и.

Старый, двухэтажный, еще сталинской постройки дом, непонятно как тут оказавшийся. Прямо к нему бортом, у окна, припаркован «Хаммер», грузовой вариант с платформой и ДШК на турели. Борты наращены броней, причем поставленной умно, под углом, но сейчас машина используется не как штурмовая, а как грузовая. Двое стоят у машины, курят, остальные, видимо, в доме. Грабят. Из окна второго этажа вылетел какой-то сверток и упал в «Хаммер», потом еще что-то... Я не смог понять что.

Это были первые бандеровцы, которых я видел.

– Провода... – едва слышно сказал Афган, лежащий рядом.

– Что?

– Проводку снимают, здесь давно все разграблено. Сдадут на лом. Весь металл тоже берут...

Я выставил винтовку на сошки и прицелился.

– Готовность.

– Подожди...

...

– Бьем, когда закончат. Они все выйдут...

– А если кто на дороге?

– Тогда пусть едут...

Умно...

Афган начал показывать что-то своим, а я перекинул прицел на увеличение и прицелился по тем двоим. Светила луна, было очень светло, и я видел, что на обоих маски. Кстати, вы знаете, что только в двух странах принимать присягу можно и в маске? Это Палестинская автономия и Украина...

*Украина, Мать Героев, сойди в сердце мое, прильни бурей ветра кавказского, шумом карпатских ручьев, боев славного Завоевателя Отца Хмеля, триумфом и шумом пушек Революции, радостным гомоном Софийских Колоколов. Пусть в тебе возродится, славой Твоей озяря, ибо ты вся жизнь моя, ибо Ты все счастье мое*²⁴.

Счастье. Когда-то на Донбассе был такой поселок – Счастье. Его смели с лица земли в ходе ожесточенных боев...

²⁴ Отрывок из молитвы украинского националиста.

– Готовы?

Я показал один палец, что означало – да, и снова перекинул прицел на единицу.

– Твои в двери. Как выйдут...

Я снова показал один палец.

Грабители показались в дверях скоро. Первый нес в охапке какую-то дрянь.

Я прицелился, и тут из дверей появился еще один...

Второй словил разом три пули и упал назад, я не видел, жив он или нет. Второй даже не успел бросить свою ношу, тоже получил две пули и упал назад, так и не выпустив награбленное майно...

Рядом в унисон захлопали другие винтовки.

– Чисто, доклад.

– Малой, чисто, – первым доложил я, – минус два.

– Граф, чисто. Контроль.

...

– У здания чисто. Досмотровая пошла!

– Досмотровая, плюс.

Из мелкой речки появились люди, осторожно пошли вперед, целясь автоматами и стараясь, чтобы между ними и окнами было препятствие.

– Вижу досмотровую.

– Досмотровая, заходим...

Я отметил ошибку – двое из досмотровой группы остались снаружи. Это грубейшая ошибка, если прикрывают снайперы, то заходить в адрес должны все.

– Один минус...

Видимо, этажи.

– Два минус. Все здание – минус...

– Всем к зданию...

Тринадцать человек на один «Хаммер», пусть и полугрузовой – это слишком много. Но народная мудрость гласит – лучше плохо ехать, чем хорошо идти...

Как оказалось, они и в самом деле воровали проводку из домов... Глупее и страшнее я ничего не видел. Трупы оттащили за ноги и бросили в воду: рыбам тоже чем-то надо питаться. Когда волокли, с одного слезла маска и я увидел в свете луны обычного пацана, необычно в нем была только прическа – широкий клин коротко стриженных волос по центру и полностью бритые бока – это имитация казачьего оселедца, принятая в украинской армии и национальной гвардии. Если бы тридцать лет назад не произошло то, что произошло, возможно, мы сегодня были бы в одном строю. А сегодня мы его убили...

Прозвени мне звоном кандалов, скрипом виселиц унылой утренней порой, принеси мне вопли замученных в подвалах и тюрьмах, и в ссылке, чтобы вера моя была гранитом, чтобы росло рвение, мощь, чтобы смело я шел в бой так, как шли Герои за Тебя, за Твою славу, за Твои Святые Идеи; чтобы отомстить за позор неволи, поправленную честь, пытки палачей Твоих, невинную кровь замученных под Базаром, Крутами, в Кингири и Воркуте, героическую смерть героев Украинской Нации, Украинской Национальной Революции – полковника Евгения Коновальца, Басараб, Головинского, Шухевича, Бандеры – и славную смерть Данилишина и Биласа, и тысяч других неизвестных нам, чьи кости разбросаны или тайком зарыты...

Трофеи грузили на машину, стараясь так, чтобы они не попали под ноги, а я смотрел на трупы в воде и думал: неужели кусок провода, неужели государственный язык, неужели... неужели это все стоит того?

Да вряд ли. И все это понимают. Просто мы не отступим. И они не отступят. Потому что хоть они и фашисты, но они не немцы, не европейцы. Они – это мы. А мы не умеем ломаться. Не учили нас.

Случалось, что мы проигрывали битвы. Случалось, хотя и редко, что мы проигрывали войны. Не раз нам приходилось отступать по своей земле.

Но мы никогда не ломались. Если бы сломались, нас бы не было.

Вот и эти – стоят, по колено в дерьме из давно прохудившейся канализации, с лежащей в лежку промышленности, в нищете, работая за копейки на европейских фабриках по пошиву всякого ширпотреба, платя бешеные деньги за свет, воду, тепло, часто голодные. Но не ломаются. Слишком много у нас общего.

– Малой! – Афган бешено жестикулировал от машины: – Поехали, чего стоишь!

Попытка ехать по разбитой дороге на «Хаммере» – втринадцатером, да еще и с рюкзаками и оружием – заслуживает включения в Книгу рекордов Гиннесса.

Хорошо, что никого не было на дороге. ДМЗ не то место, где ездят по дорогам ночью. И хорошо, что ехать было недалеко. Мы ехали по разбитым грузовиками и обстрелами дорогам, мимо давно мертвых, черных деревень и высящихся то тут, то там громад терриконов, приближаясь к точке, о которой знали только маргиналы...

– Моб...

Я больше уделял внимание тому, как не слететь на ухабе, но Крым настойчиво похлопал по плечу.

– Глянь, справа...

Я посмотрел. Сначала не понял, что это, потом на фоне черноты различил высокий хвостовой плавник самолета...

– Транспортник?

– Круче²⁵...

...

– Давно тут стоит. Как ориентир.

– Далеко еще?

– Сейчас приедем...

Удивительно, но село, в которое мы свернули, было похоже на украинское. Такое, какое рисуют на картинках: луна, беленые украинские хаты с высокими крышами, плетни с горшками. К сожалению, картинка была двадцать первого века, поэтому в ней присутствовал и изрешеченный, обгорелый остов комбайна, перекрывший въезд в село, и тонкий ствол горелой БМП, показывающий в небо – на тех, кто сжег машину и всех, кто был в ней, и останки танка рядом с башней, отброшенной чудовищным взрывом на пару десятков метров. Село наблюдало за нами мертвыми глазами давно оставленных домов, шепталось давно оставленными без присмотра вишнями и яблонями. Тоскливо посвистывал ветерок, принося не облегчение и прохладу, а омерзительную хрусткую пыль.

– С дороги не сходить... – общая команда.

Тишина – и стволы на все стороны. Ничего – даже лая собак...

– Чуешь, Афган?

– Да, Бармалей...

²⁵ AC130U сбит 29 июня 2017 года над Донбассом при попытке оказать поддержку попавшим в окружение польским частям. После потери этого самолета ВВС США больше не пытались использовать ганшипы в операции на Украине. Во время операции по спасению экипажа ганшипа был сбит американский спасательный вертолет, всего ВВС США в ту ночь потеряли девять человек убитыми и больше двадцати ранеными и пленными. События этой ночи потом стали известны как «Черная ночь».

Барсук подождал и вдруг заорал во весь голос, так что все вздрогнули:

– Бармалей! Выходи, подлый трус...

– Движение справа!

Из-за одного из домов вышел коренастый мужчина в горке, держа автомат за ремень на поднятой вверх руке.

– Здорово. Мы тебя чуть не пристрелили.

– А чего не пристрелили?

– Пожалели.

– Укропа объелся, жалостливый... – Барсук похлопал по борту «Хаммера»: – Нравится?

– Вот из-за этого и хотели пристрелить. На укропской тачке гоняете. Хорошо, наблюдатель маяки заметил.

– Хочешь – твоя будет?

– А она и так моя будет. Как вы свалите.

– Можем и сжечь.

– Злой ты сегодня.

– Не, я добрый. Когда сплю зубами к стенке. Говори, чего там про пленного?

Бармалей показал на террикон, высившийся сразу за селом, так близко, что главная улица села у крайних домов сразу переходила в подъем террикона.

– С той стороны – жилсектор, а в нем укропы. Эти ублюдки подогнали две БМ-21. Собираются долбануть по Донбассу и уйти.

– П...ы. А с полканом-то что?

– С полканом? Он в селе. На подвале.

– Откуда знаешь?

– Да человечек у меня там свой.

Удивительного в этом не было. Стучали все и на всех. С обеих сторон люди были замешаны в контрабанде, торговле пленными, а за всем за этим шли и более серьезные дела. Ничто так не сближает людей, нежели совместно совершенное преступление...

– Где конкретно?

– Да я и сам не знаю. Прибьем «Грады» – покажу.

– Бармалей. Не юли.

– Я серьезно. Там не пробьешься. Правосеки – рыл пятьдесят. И еще местные там... не наши²⁶. Понял?

– Понял, отчего не понять. Ты, Бармалей, себе на уме. Хочешь, чтобы я тебе населенный пункт отбил?

– А ты сильно изменился, Барсук...

– Да не. Всегда таким был. Насчет полкана укропского – правда? Зуб даешь?

– Даю, там он... – проговорил Бармалей. – Тут с одной стороны мои люди уголек копают, с другой – они²⁷. Все равно рядом живем, как-то общаемся. Вот один из них проговорился, что у них целый полкан на подвале сидит. Правосеки отработают – на обратном пути его заберут.

– А если его уже замочили?

Бармалей пожал плечами.

– Хорошо. Укропов там много?

– Говорю, рыл пятьдесят.

– Броня есть?

²⁶ Далеко не все жители Донбасса поддерживали ДНР, хотя и большинство. Перед войной Украина насильственно перемещала жителей Донбасса с контролируемой ей части Донбасса в глубь страны, а в опустевшее жилье заселяла крымских татар, отставных военных и неонацистов. Кончилось все это провалом, но какое-то количество людей все же было заселено.

²⁷ В отвалах «пустой породы» может быть до 10 % угля, – кроме того, там в достатке металлолома. Дербан терриконов и сейчас является одним из способов выживания на Донбассе.

– Одну коробочку видели²⁸. Двойка, на вид бодрая.
– У тебя сколько людей?
– Тридцать наберу...
– Ясно... – Барсук повернулся к нам: – Разведка, снайперы на террикон, оттуда доложите, что и как. Ждите, пока мы займем исходные для атаки. Если движуха начнется – доклад и работа.

Барсук посмотрел на меня, на Афгана и снова на меня.

– Лейтенант за старшего... – сказал он.

– Нужен проводник, – сказал я, – без проводника никакого дела.

Бармалей закивал:

– Дам, дам проводника. Даже не одного.

Я в жизни мало кого ненавидел так, как Винни-Пух...

*Хорошо живет на свете
Винни-Пух!
Оттого поет он эти
Песни
Вслух!
И неважно, чем он занят,
Если он худеть не станет,
А ведь он худеть не станет...*

Снайпер спецназа – это совершенно особенная профессия. Снайпера или группу снайперов в тылу врага спасают не только маскировка и осторожность, но и быстрые ноги. Если становится известно, что в районе находится снайпер, его начинают искать все, потому что мало кого так ненавидит солдат, как снайпера. И чаще всего спасение в быстрых ногах. Уйти дальше, чем тебя будут искать. Выскочить из кольца до того, как оно замкнется.

Но просто бежать – это одно. А мы поднимались на террикон.

Террикон – это рукотворная гора. Когда работает шахта, рядом сваливается пустая, извлеченная из глубин земли порода. Часто в этой породе бывает половина таблицы Менделеева, в том числе и золото, но его никто не извлекает, всем плевать. Сам террикон тлеет внутри, там, в терриконовой породе, все еще сохраняются остатки угля, при определенных обстоятельствах он может даже взорваться. Отчего трудно дышать, мало кислорода и много угарного газа и дыма, темнеет в глазах. Или это от восхождения? Само восхождение тоже не сулит ничего хорошего – здесь порода, не камень. Ставишь ногу – и не знаешь, что будет.

*Хорошо живет на свете
Винни-Пух!*

– Барсуку, Малой.
– Принимаю.
– Вижу движение. Пулеметный расчет, полевое укрепление, открытое сверху. Четыре человека. В энпе²⁹ тоже движение.
– Принял. Огонь по команде.
– Плюс.

²⁸ В зависимости от обстоятельств так может называться и БТР и БМП. Танк – обычно «мишка», иногда «кулак».

²⁹ Населенный пункт.

– Мы выходим на позиции, подтвердите...

– Плюс...

Я снял СВД с предохранителя.

– Снайперам готовность. Огонь по команде.

...

– Крым, наводишь.

– Вижу «Град», – ответил Крым.

– Где?

– Левая сторона улицы. Седьмой дом от террикона.

– Не вижу...

Удивительного ничего нет – у него пятьдесят крат труба. А эти... костерок в бочке жгут...

П...сы.

– Барсуку, Малой.

– Принимаю.

– «Град» на левой стороне улицы. Седьмой дом от террикона.

– Принял. Мы идем.

Я перевел прицел винтовки и заметил движение.

– Барсуку, Малой.

– Принимаю.

– Движение, на десять от меня, подтвердите.

– Плюс, это мы, не стрелять.

– Свои на десять от нас. Правее десятки не работать.

Надо было брать что-то серьезнее. СВД... все-таки не для таких дистанций.

– Малому, Барсук.

– Принимаю.

– Позицию занял. Огонь по готовности.

– Плюс...

Я хлопнул по плечу Крыма, и он передал дальше...

Первыми легли те двое, у костра в бочке. Пристрелочных было делать некогда, и возможности такой не было, но первая же пуля попала в цель. Вторая тоже. Раздалось громкое «ура!», а из окна дома по атакующим ударил пулемет. По пулеметчику открыли огонь все, и пытаюсь попасть в окно, и забивая через стены и крышу, – и пулемет замолк через несколько секунд...

– Прекратить огонь! Прекратить огонь!

Я не знал, насколько профессиональны те, кто со мной, а в горячке можно и своих зацепить...

– Малой – всем, наблюдаем.

Операция закончилась через несколько минут полной и сокрушительной победой. У Бармалея один двухсотый и трое трехсотых, у нас двое трехсотых и... И все. А вы как хотели? Спецназ он и есть спецназ...

По террикону мы спустились вниз, и я тут же навелся на валявшийся у костра в бочке пулемет «Негев». Это не 5,56, какой в Польше по лицензии делают, а LM7, производства «Форт». Отличная израильская штукавина, семь и шестьдесят два, режим одиночного огня, легкий. Как раз нам на двоих с Крымом.

Короче, забрали, а пацаны еще РПД отжали в тюнинге от P1G TAC³⁰. Классная штука, его не швыряет при стрельбе, как ПК. Со всем с этим двинули к центру поселка, где нашли два

³⁰ Крупнейший украинский производитель камуфляжа и военного снаряжения. Сейчас тесно сотрудничает с Минобороны, в частности по вопросам тюнинга старого советского оружия. Уже представлен проект осовременивания РПД и готовится

неотработавших «Града», старый немецкий «Мерседес» 1860-й серии, видимо, пришедший в Украину в качестве военной помощи от НАТО, несколько трупов нацгвардейцев и отцов-командиров, разбирающихся между собой. Как раз наш Батя двинул Бармалея в морду, да так, что он с копыт слетел, а мы (и я в том числе, я как раз трофейный пулемет нес) вскинули оружие, направив его друг на друга. Бармалеевские тоже.

– Ну и где полкан укропский? А?

– Если не здесь, то в соседнем селе! Точняк!

– Ты и тут говорил – точняк.

– Увезли его, значит. Я тоже за всем уследить не могу!

– Что за село?

– Укропы там! Там база их!

– Еще не легче. Ты тут решил королем заделаться или как? Нашими руками? Думаешь, я не знаю, что ты с укропами в доле по водяре?

– При чем тут водяра? Может, забирать его будут...

– Сколько там укропов?

– Человек сто. И бронетехника.

– До села сколько?

– Километров семь. Семь километров.

– Козел. Дерни, пока не пристрелил.

Бармалей, отталкиваясь ногами, пополз к своим, там ему помогли подняться. Батя сделал знак – общий сбор.

– Так, отработали на четверку, твердую. Вопрос – идем на село или нет? Они наверняка знают, что мы здесь.

Один из офицеров показал на установки «Град» – их отбили целыми. Тут еще и БМПеха стояла, вторая.

– Долбанем «Градом» прямо сейчас и рванем. «Хаммер», «мерс» и БМПха – поместимся...

– Наведешь?

– Чего хитрого.

Как потом я узнал, офицера звали Одесса. Он и был одесситом, заканчивал Одесское артиллерийское училище. Когда ему приказали обстрелять Донецк, застрелил своего командира и перешел к нам.

– Так, хоп мужики?

– Хоп.

– Бармалей...

Бармалей подошел... злой. Я подумал, что Батя зря так Бармалея кошмарит, что случилось – то уже случилось, а обиженный, затаивший на тебя злобу человек за спиной очень опасен. Но в конце концов, не мне указывать, кто я тут такой. Без году неделя.

– Пойдешь с пацанами на головной БМПшке. Еще один косяк – я тебя лично пристрелю. Если они до меня не пристрелят.

– Круто солишь.

– Я и хлебаю. Чего-то не устраивает – кругом и вон отсюда.

Бармалей принужденно улыбнулся:

– Без обид.

– Пять минут тебе, чтобы мотню подобрать. Пока пацаны бэху заведут...

– Э, гляньте...

Из дома двое бойцов Бармалея вывели невысокого паренька в украинской военной форме, Бармалей подошел и буднично выстрелил ему в голову.

Бэха была вторая.

Лошадь еще афганской войны, потом вынесшая на себе и всю чеченскую, у нас ее почти и не осталось, только на хранении. У нас теперь третья – почти танк, баллистический вычислитель, на гвардейских машинах – термоприцел, стомиллиметровое орудие закидывает снаряд в форточку на полтора километра – сам видел на учениях. А тут – простая и неприхотливая шаланда, одышливый, почти тракторный дизель, ребристый длинный нос и длинный ствол 2 А42 – тридцатимиллиметровой пушки, о которую так удобно опираться, когда едешь на броне. На ходу вторая БМП почти что шаланда, раскачивается, кашляет, ворчит, но везет. А плохо ехать, как известно, лучше, чем хорошо идти.

– В бульку не попадем так? – прокричал я Лехе Крыму, который пристроился рядом с трофейным «Негевом».

– Не. А если че – соскочим.

– А водила?

– По танку вдарил болванка – прощай родимый экипаж!

Ясно...

Как люди так живут? А ведь живут.

Мы перли по дороге, которая когда-то была асфальтированной. Зачем я сел на головную БМП? А хрен его знает. Первый реальный разведывод, хотелось выделиться как-то. Вот и выделился... на хрен.

БМП выскочила с пригорка, и тут показалось село, едва освещенное, а навстречу нам в мутной темноте уже неслись мелкие злые огоньки.

– Обстрел! Цели справа!

Не знаю, о чем подумал водила, он был из местных бармалеевских. Но он сдуру дал со всех сил по газам, и БМП каким-то чудом не захлебнулась, а бодро перебирая гусанками, пошла еще быстрее, сближаясь с селом...

– Стой! Стой, б...

По договоренности мы должны были начать обстрел села, но БМП шла и шла вперед, нас на броне было восемь человек, и до водилы было не достучаться. А нам оставалось только держаться за что придется и молиться...

Ого... а вот и РПГ...

Леха, видимо, решил, что его закрепленному, то есть мне, вот-вот придет хана, и начал стрелять из трофейного пулемета, но после первой же очереди едва не слетел и судорожно схватился за соседа. За нами выскочил «Хаммер» и упорол по селу из крупнокалиберного, мы видели просверки в серой предрассветной хмари. По нам никто не стрелял, и я вдруг понял почему – из-за БМП! Они же видят тактические знаки и думают, что мы свои.

Проблема в том, что мы идем в село, в котором человек сто. А нас всего восемь человек, не считая «водителя кобылы». И то, что при нас два пулемета, ничего не решает. Сомнут на хрен, и все.

Попадем на подвал – и привет...

Прежде чем я додумал, что в таком случае делать, БМП ворвалась на околицу. Впереди была улица с невысокими сельскими домишками, я увидел, как от джипа разбегаются люди, и кто-то открыл огонь, и разбежались они не все – кто-то и лежать остался. А потом водила в триплексы что-то заметил и попытался уклониться от машины, но попытался напрасно. БМП чиркнула по джипу боком, протиснулась мимо, с хрустом проломила чей-то забор, оказалась в чьем-то давно не копанном огороде, ввалилась гусеницей во что-то, взвыла и, наконец, остановилась. А мы полетели вперед, и кто-то удержался на броне, а кто-то нет.

Последнее, что я видел, это белые джипы у дома напротив. Две штуки.

Я слетел, но слетел так, что ничего не сломал и не выронил оружие. Понимая, что я тут единственный офицер и что достаточно коробка ПК или хорошей очереди из АГС, чтобы мы все тут легли, я заорал: «За Родину!» – и ломанулся обратно к пролому, перехватывая поудобнее запасное оружие – ВСС.

Украинцы, похоже, от нашей кавалерийской атаки охренели не меньше нашего. Я попал как раз вовремя – из дома через дорогу выбегали люди, на одной из машин стоял пулемет, кто-то доберется до него – и ляжем все. Хорошо, что, готовясь к штурмовым действиям, я примкнул к ВСС магазин – двадцатку, теперь он был в самый раз. Я открыл беглый огонь по разбегающимся в предрассветной хмари силуэтам, менять позицию было некогда, и все, что я мог, – это стрелять, пока кому-то не повезет попасть в меня. Но тут рядом плюхнулся на колено Крым и открыл огонь из пулемета, и тут уж нацгады или кто вообще это такие начали больше думать об укрытиях, чем о том, как попасть в меня.

– Прикрой!

По-прежнему плохо соображая, что я, снайпер, тут делаю, я перебежал улицу (с пустой винтовкой), увалился под забор и только потом перезарядился. На улице уже никого не было, если кто и был – то попрятался, а по селу с дороги вел огонь крупняк и восьмидесятидвухмиллиметровый миномет. Шас еще немного – и нас тут на улице накроет...

Перезарядился, пополз ползком. Мне надо было попасть в дом или во двор или куда там – не знаю куда. Калитка, ведущая во двор (забор, кстати, кирпич, что здесь редкость, здесь часты заборы из какого-то плоского, как блин, камня, который кладется один на один без раствора), была открытой, и прежде чем я заполз туда, на меня выскочил хохол. Высокий, рослый, он, видимо, бежал к машине и не ожидал, что враг так близко и лежит на земле. Потом он сообразил и медленно-медленно, как в кино, начал наводить на меня винтовку, а я так же медленно-медленно перевернулся на спину, направил на него ствол «Винтореза» и нажал на спуск. Боевик рухнул, а я рванул чеку гранаты и отправил ее через калитку во двор. Во дворе глухо грохнуло, и чей-то голос мучительно, надрывно закричал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.